

Виталий Мур
ГОЛУБИ В ВЫСОКОЙ ТРАВЕ

Рассказы

Виталий Мур

Голуби в высокой траве. Рассказы

«Издательские решения»

Мур В.

Голуби в высокой траве. Рассказы / В. Мур — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838544-5

Автор пишет прозу с 2010 года на сайте proza.ru. В настоящий сборник вошли рассказы разных лет и на разные темы. Читатель найдет в книге рассказы о музыке; о педагогах, студентах и школьниках; о животных и прочее.

ISBN 978-5-44-838544-5

© Мур В.
© Издательские решения

Содержание

Не отвержи мене во время старости	6
Урок музыки	10
Бегущий по волнам	14
Паганюня	16
Лоботряс	18
Старики	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Голуби в высокой траве

Рассказы

Виталий Мур

© Виталий Мур, 2017

ISBN 978-5-4483-8544-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не отвержи мене во время старости

upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/04/Большой_Екатерининский_дворец.jpg

«Не отвержи мене во время старости» – Санкт-Петербург, 1766 год

Заезжему иностранцу с богатым воображением, к примеру, немцу или итальянцу, Петербург к концу царствования Елизаветы Петровны казался городом сплошных контрастов. Карета иностранного гостя, выезжая из роскошного квартала, могла запросто угодить в дремучий сырой непролазный лес, топкое удушливое болото либо полевое бездорожье с глубокой грязью. Проезжая и разглядывая с европейским любопытством огромные каменные дома столичных вельмож с великолепными садами, украшенными прекрасными статуями из мрамора и гранита, иноземец изумлялся соседству всего этого архитектурного благолепия с жалкими развалинами, убогими деревянными избёнками и большими пустырями. Но когда на месте многочисленных шеренг деревянных лачуг, представляющих неприглядную убогую картину,

за кратчайшие сроки поднимались великолепные каменные строения, – вот это-то иноземца и поражало больше всего. Город быстро строился, город преображался на глазах.

Заступившая на царство Екатерина Вторая восхищалась архитектурными шедеврами застрельщика петербургского барокко обер-архитектора императорского двора Растрелли. Особым расположением императрицы пользовался Большой Царскосельский дворец, капитально перестроенный Растрелли под Петербургом в Царском Селе. Дворец поражал своими размерами и красотой. Лазоревый фасад, поддерживаемый белоснежными колоннами и украшенный золоченым орнаментом смотрелся неотразимо. Дворцовые фасады изобиловали фигурами атлантов, кариотидами и львиными масками. Пять золоченых глав Дворцовой церкви прекрасно вписывались в пространство северного корпуса дворца. Южный же корпус с парадным крыльцом великолепно дополнялся куполом со звездой на шпиле. Парадный плац был огранён флигелями и одноэтажными служебными корпусами – циркумференциями, имевшими форму полуокружности.

Не менее роскошное зрелище открывалось взорам гостей в апартаментах дворца. Парадная анфилада, декорированная золочёной резьбой, так называемая «золотая», выглядела величаво. Екатерина Вторая увлекалась античным искусством и поэтому украсила апартаменты сообразно моде с помощью шотландца Камерона. Созданные им интерьеры блистали красотой и изяществом.

Лето в тот год в Царском Селе выдалось небывало жарким. Люди и звери страдали от изощренных пыток немилосердного солнечного палача. Стоило жителю выйти на улицу да повариться минут пять под палящими лучами, как цветовая палитра его лица быстро менялась, – стартовала светло-розовым и завершалась живописным пунцовым колором. Человеку становилось худо, появлялась слабость в членах, дышалось невмоготу, и он чувствовал – обморок не за горами. Приходилось для дальнейшего спасения, не мешкая, ретироваться: в прохладные помещения каменных дворцов, метровые стены которых надежно сохраняли прохладу; в парки и сады, полные тенистых мест и свежести; на берега Невы или моря Балтийского. При необходимости пребывания на улице, горожанину приходилось довольствоваться лишь ролью курицы в супе, надеясь на волю божью или крепость собственного организма.

Православные поговаривали, что такая погода – это проделки самого Дьявола, который часть Ада вытащил на поверхность петербургских окрестностей из огнедышащих земных глубин. Другие нашептывали более крамольные вещи. Будто губительный зной – это Божья кара столице Российской империи за засилье немцев в России.

– Страшно подумать, а говорить еще пуще, но даже императрица Екатерина из немок будет! – тихо говорил один из таких недовольных подданных и продолжал. – Приехала из Пруссии католичкой, а теперь вот русская православная императрица!

– Да чем же тебе её православие не угодило? Кабы все такими православными были, то всеполюное благоденствие вознеслось бы по всей империи нашей! – возражал другой подданный Её Величества.

– И в недавней войне с пруссаками императрица Пруссию не жаловала, в отличие от своего мужа, – добавил третий подданный, с интересом слушавший спор, чем окончательно добил первого.

На том спор и заглох, хотя никого и не убедил. Каждый остался при своем мнении. Спорившие были людьми невысокого звания, горожане и мещане.

Десятки богато убранных карет, с ярко выкрашенными гербами дворянских родов на боковинах под оконцами, расположились на Парадном плацу в левой его стороне, в выделенном для них месте. Кучера и форейторы красовались в кожаных и суконных кафтанах.

Приглашенные гости, знакомые и приближенные Двора покорно ожидали приглашения во дворец через Парадное Крыльцо императорской резиденции Её Величества.

Толпа приглашённых бурлила разговорами и расхаживала взад-вперёд в нетерпении. Как обычно, начало церемонии откладывалось. Но вот Придворный Гофф-маршал бросил негромкое: «Ши!» И поразительно! Все разговоры в толпе дворян смолкли. Возникла необыкновенная тишина. Парадные двери открылись, – и толпа, разбившись на пары, вошла по лестнице на парадное крыльцо. И далее шествовала в переднюю залу, где её ожидала со снисходительной улыбкой сама хозяйка дворца, в русском платье, с тремя на нем звездами, с крупными бриллиантами на голове. Императрица была высока ростом и очень хорошо сложена; немного худовата; волосы были прекрасного каштанового цвета, густые, и великолепно уложены. Рядом с Екатериной стоял фаворит, друг и любовник князь Орлов. Они разговаривали, приятно улыбаясь. Орлов стоял в полупоклоне, Екатерина – с прямой гордой осанкой.

– Князь, миленький. Ты знаешь, со мною сделалась диковинка: я стала сомнамбулой. Во сне гуляла по саду, и ходила по каким-то палатам. Стены все с цветами и голубками золотом разпестрены были. Тут я нашла лежащего прекрасного человека. На нем надета была одежда серая, соболем опушенная. Человек сей ко мне весьма ласков был, мы разговаривали с ним о посторонних делах несколько времени. Ушла я и проснулась. Знатно, это был сон. Вот теперь везде ищу красавца, во сне виденного, да нету его, а в уме моем изображение его никогда не исчезнет. Куда как он мил! Милее целого света. О, если б вы могли его видеть. Миленький, как ты его встретишь, поклонись ему от меня и поцалуй. Он того достоин. А может статься, что встретишься с ним, если встав с постели, обратишься направо и на стену взглянешь, – говорила лукаво Екатерина Вторая Орлову.

– Матушка родная Всемиловитейшая Государыня! Сего господина не надобно вам везде искать. Вот он, тут, у вас под боком. Догадываюсь я своим скудным умом, кого увижу на стене – да себя и увижу, свой портрет висящий, не так ли? – отвечал в тон императрице Орлов.

– Интересно, топ cher ami, какую аттракцию мы получим от концерта этого регента... Запомнила... Как его фамилия? Осиновский? – оживленно спрашивала императрица мнения Орлова, меняя тему разговора.

– Всемиловитейшая и державнейшая Государыня Императрица! Березовский его фамилия, – смущаясь и краснея от близкого присутствия и взгляда любимой женщины, отвечал князь.

– Господин Генерал-фельдцейхмистер и Кавалер, а я вот сомневаюсь: может ли написать что-то блистательное в музыке почти еще мальчик? Ведь ему всего двадцать с небольшим лет, не правда ли? – продолжала спрашивать Орлова императрица, устало обмахиваясь красивым желто-фиолетовым веером ручной китайской работы. – Развей мои сомнения, миленький.

– Коли талант, то допускаю вполне. Может и написать, Ваше Всемиловитейшее Величество! – смиренно отвечал Орлов.

– Коли талант, коли талант, – повторила в задумчивости за князем Екатерина. – Cher ami, ты думаешь, что мальчик талантлив? По чьей протекции он и откуда взялся? – продолжала допрос императрица.

– Матушка Всемиловитейшая Государыня! Слышал я, будто граф Разумовский, известный собиратель певчих, подобрал его откуда-то из Украины, то ли из Львова, то ли из Чернигова. Он из простых казаков происходит, – ответил, опуская глаза князь.

– А что собирается петь нам хор Марка Полторацкого, не просветишь меня, любезный князь? – игриво спросила императрица.

– Как мне доложил Цоппис, Придворный капельмейстер, – это будет сюрприз, Ваше Величество! – ответил князь.

Императрица шутливо нахмурилась, сделала движение, словно хотела топнуть по паркету ножкой, и спросила капризным тоном:

– Господин Кавалер! Какие могут быть от меня тайны?

– Ваше Всемилостивейшее Величество! Вам под большим секретом скажу, – отвечал князь.

И он рассказал о предстоящем первом исполнении при дворе Екатерины концерта Максима Березовского «Не отвержи мене во время старости».

– Князь, миленький, скажи: кому он посвятил свой концерт?

– Матушка Государыня! Слыхал я, что он сочинил сей концерт по заказу Елизаветы Петровны. Для успокоения её души. Поговаривают, очень беспокойна была в последний год перед кончиной.

При этих словах князя императрица вспомнила, как Елизавета чуть не уморила её голодом после родов Екатерины, никого к ней не пуская.

Далее императрица отвернулась от князя и подошла к придворным. Светские разговоры длились недолго, отдавая дань вежливости и этикету. Наконец, она вместе с фаворитом направилась через Портретный зал в Янтарную комнату, жемчужину Екатерининского дворца. За ними устремилась толпа придворных и приглашенных.

Итак, в Царском Селе в присутствии всего императорского двора начинался необыкновенный музыкальный вечер.

Императорская Придворная певческая капелла, являвшаяся главным хором России, исполняла обещанный сюрприз. Им являлся концерт, сочиненный регентом капеллы Максимом Березовским. Произведение представляло одно из модных направлений партесного пения и исполнялось хором впервые, для пробы. Хор пел под аккомпанемент многочисленных инструментов, в том числе клавикорда, малого органа и клавесина.

В центре огромного зала расположилась капелла. По периметру расселись императорский двор и его гости.

Сама Екатерина Вторая сидела в золочёном кресле впереди на несколько шагов от своих приближенных. Закинув вверх крупную голову, она смотрела на настенные росписи из евангельской жизни под самым куполом. Смотрела на мудрое лицо святого Петра.

Началось музыкальное исполнение.

«Не отвержи мене во время старости», – искусно сочетая простоту и изящество, выводила многочисленными высокими и низкими голосами, капелла, состоявшая из четырех частей: мужского, женского и детского хоров, а также выдающихся солистов – сопрано, меццо-сопрано, басов и дискантов.

«Необыкновенно хорошо поют! Ах, как поют!» – думала она и наводила лорнет на певчих.

«Да постыдятся и исчезнут, оклеветавшие душу мою», – неожиданно мощно, после хорошего затишья, как гром среди ясного неба, вступила мужская часть хора. Кажется, что голоса проникли до самого сердца. И Екатерине в них почудилась гроза небесная, огромная сила и чистота. Лицо Императрицы преобразилось: слезы, просветление и необыкновенная радость оттого, что Бог карает Зло, и спасает и поддерживает человека в трудные времена немощи и старости. Екатерина почувствовала, что именно ей направлены слова концерта. Она представила, что и от нее в старости не отвернется Отче Наш, и поможет, и спасет душу ее.

«Как сочинил, шельма! И ведь не мне посвятил, а Лизке», – Императрица восторгалась композитором Березовским и одновременно завидовала своей предшественнице.

Прозвучала кода, и пение хора сошло постепенно на нет. Наступившая тишина прервала мысли Императрицы и вернула ее к действительности.

Концерт окончился, все встали и долго рукоплескали хору. Екатерина подошла к детской части капеллы, раздала детям подарки и поблагодарила за пение. Затем подошла к руководителю хора и выказала свое восхищение исполнением.

Умиrotворенная владычица России попрощалась с приближенными, с Орловым и удалилась в свой рабочий кабинет – поработать над завершающими статьями «Наказа».

Урок музыки

Крауфорд. Детство Моцарта. XIX век. upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/bc/The_boyhood_of_Mozart.jpg

Школьного учителя, пенсионера Илью Ивановича, смотревшего канал «Культура», взволновало появление на экране знакомого лица. Кряхтя и прихрамывая, он проковылял в комнату жены и заметил, что Мария Васильевна, как это обычно и бывает, лежит на тахте с приложенным к голове мокрым полотенцем по причине высокого давления.

– Машенька, куколка, дорогая, представляешь?! Я сейчас просто наслаждаюсь по «Культуре» баховской фугой номер восемь. И знаешь, кто за роялем? Колыбанов. Помнишь, я рассказывал? – восторженно делился пенсионер, но был бесцеремонно прерван.

– Бородин, отстань от меня! – резко отозвалась супруга, всегда называвшая учителя по фамилии, даже во времена их досвадебного романа. – Неужели ты глаз не имеешь и не видишь, что мне не до твоих учеников?! Ох, голова раскалывается просто!

Илья Иванович постоял некоторое время возле своей «куколки», помялся, музыкальный восторг его куда-то испарился. Затем старый человек невозмутимо и медленно поворотил свое грузное тело и направился обратно к телевизору. Через минуту, устроившись в кресле, он закрыл глаза и вспомнил...

Ольга Васильевна делала умоляющее лицо и брови домиком и почему-то шептала:

– Илья Иваныч, выручайте. В школе прокол за проколом. Ох, боюсь, снимут меня с завучей, как пить дать, снимут.

– Что случилось? Если смогу – помогу, товарищ начальник, – отвечал тогда Илья Иванович.

Завуч придвинулась совсем близко к учителю, отчего он даже почувствовал физическое волнение от непосредственной близости молодого женского тела:

– Я знаю, что вы очень любите музыку. Наш школьный баянист Николай Николаевич опять сорвался. Ну, понимаете, да? – и Ольга Васильевна выразительно щелкнула пальчиком несколько раз по горлу. – Даже не знаю, что делать с этим человеком. Через десять минут начинается его урок пения в третьем «В». Проводить некому. Я звонила соседям, там учитель занят уроком. Вот невезуха! Посмотрела расписание: у вас сейчас свободный час. Выручайте, Илья Иваныч!

– Ольга Васильевна, куколка вы наша, дорогая! Я бы рад, конечно, помочь, но я всего лишь раб русской литературы. Как вы, голубушка моя, мыслите мой урок пения? Петь я совершенно не умею. Ну, может, только на уровне петушиных воплей. Приду в класс и буду нарарепев читать ребятам «Мцыри»?

– Илья Иваныч, началась проверка школы, вы знаете. Поэтому не до качества занятий сейчас. Ну, придумайте, наконец, что-нибудь. Пожалуйста!

– Но я даже не знаю, на чем там они остановились, какие песни голосят, что проходят. Да и программы я в глаза не видел.

Руководительница стала выходить из себя, лицо ее приняло розовый оттенок:

– Время-время, «цигель-цигель» или как там, в фильме, – постучала она по своим ручным часам и с упреком снизу вверх взглянула в лицо педагога, – через пять минут начинается урок, а мы с вами дискутируем, – на глазах завуча показалась первая слеза. – Илья Иваныч, о музыке им расскажите, как вы ее понимаете. Проведите, что ли, урок музыки вместо урока пения.

Бородин не терпел женских слез и сдался:

– Хорошо, добрая Ольга Васильевна, хорошо. Вы только не расстраивайтесь. Считайте, что я уже на уроке музыки, – и знаток Пушкина и Гоголя поспешил в расположение третьего «В» класса, найдя рядом с собеседниками.

– Спасибо, Илья Иваныч! Только учтите, – в этом классе плохо с дисциплиной, в нем собраны самые-самые, можно сказать, сорви-голова, – крикнула начальница вдогонку учителю.

Прозвенел звонок на урок. Третьеклассники после обязательного вставания и приветствия недоумевали. Что здесь делает учитель литературы?

– Я понимаю ваше удивление, ребята. Дело в том, что Николай Николаевич заболел. Урок с вами попросили провести меня. Но предупреждаю – сегодня вы петь не будете.

В ответ на такое заявление из заднего ряда вылетел бумажный самолетик, медленно и плавно совершил парочку широких кругов над головой учителя и уткнувшись в его плечо, бесславно упал на линолеум. Илья Иванович, не обращая внимания на авиационную акцию, продолжил:

– И тем не менее, господа школяры, начнем. Итак, кто мне скажет, какие существуют на свете наркотики?

Вопрос застиг класс врасплох. От удивления, казалось, даже занавески на окнах застыли, несмотря на сквозняк. Ученики после небольшой паузы зачесали в затылках, стали смотреть в потолок, некоторые терли виски и лоб. Посыпались ответы:

– Эл-эс-дэ.

– Гашиш.

– Сигареты, папиросы, табак.

– Героин, морфий.

– Водка, шампанское.

Илья Иванович поднял руку:

– Все, ребята, достаточно.

В классе притихли, ожидая учительской версии.

– Вам по секрету скажу: самый мощный в мире наркотик – музыка. Да, да. Музыка, самая обыкновенная музыка. Песни, пьесы, концерты, оратории и т. п. Не верите?

Илья Иванович сделал эффектную паузу:

– Музыка – это не просто совокупность нотных знаков, символов, скрипичных ключей и всяких там «до, ре, ми, фа, соль, ля, си». Это вам не покашливание музыкантов в оркестровой яме перед концертом или бездумное брэнчание на фортепьянных клавишах. И даже не ошпыивание гитарных и балалаечных струн, и, конечно же, не напряжение голосовых связок какого-нибудь тенора или баса.

Из средних рядов продолжили авиационное нападение. Бумажная конструкция летела по прямой линии и врезалась в учительский, синий в крапинку, галстук. На исполнителя коварного замысла, Вовку Колыбанова, бросившего самолетик, на сей раз зашикали сами одноклассники. Вовка, рыжий, с конопушками на некрасивом лице и несоразмерно большими ушами, покраснел и затих, пригнув к парте голову.

Илья Иванович продолжал:

– Музыка – это не просто Бах, Моцарт, Перголези, Шаляпин и многие-многие другие. Да, вы правы. Это, конечно, и Бах и Моцарт и Перголези. Но не только. Музыка – это волшебство! Это совершенно необъяснимая субстанция, которую невозможно понять человеческому разуму и нельзя описать словами хоть сколько-нибудь внятно. Это наркотик невероятной силы для любой человеческой души. Музыку можно только слушать и восхищаться! Ее можно слушать и улетать далеко-далеко. Музыка не признает ни языков, ни границ, ни государств, ни пространства. Музыка вызывает все чувства, которые может выразить человек, и вместе с тем одна и та же музыка может у разных людей вызывать противоположные эмоции. Как это понять?

В классе с каждой минутой становилось тише. Ученики сидели так прилежно, так напряженно вслушивались в речь учителя, как никогда за предыдущие годы учебы.

– Как вы думаете, ребята, когда началась эра авиации?

Ученики наперебой стали давать правильные ответы, называя известных пионеров воздухоплавания.

– У меня свой взгляд на это – летать человек, мне кажется, начал одновременно с первыми песнями, с первыми музыкальными произведениями. Их он исполнял, может быть, используя рог быка или зубра. А может статься, что древний человек дергал струны из воловьих жил. Это, впрочем, не столь важно. Важно, что появилась музыка, и душа человеческая воспарилась в небесах и научилась с тех пор летать.

– А что Вы любите слушать из музыки? – последовал неожиданный вопрос от Вовочки Колыбанова, который стал прислушиваться к тому, о чем вещал учитель.

– Хороший вопрос, ребята. Отвечу на него подробнее. Особенно я люблю классику. Часто, например, слушаю органную токкату и фугу ре минор Иоганна Себастьяна Баха. Считаю эту фугу своеобразным аккомпанементом к бессмертной ветхозаветной третьей книге царя Соломона «Экклезиаст», в которой сказано:

«Род уходит, и род приходит, а Земля остается навек.

Восходит солнце, и заходит солнце, и на место свое поспешает,

Чтобы там опять взойти;...

Что было, то и будет, и что творилось, то творится,

И нет ничего нового под солнцем....

И вот – всё это тщета и ловля ветра. ... Все суета сует и томление духа...».

Какие слова, а, ребята?! Вдумайтесь! Под стать им и великая музыка Баха, в которой мне иногда слышится как бы напутствие композитора, только написанное не словами, а нотами: «Люди, жизнь преходяща, помните об этом и цените каждое ее мгновение».

Бах для меня – бог музыки. Моцарт – музыкальный маг. Бетховен, несмотря на свою глухоту, создавал самую монументальную и героическую музыку. Одна только третья симфония «Es-dur» чего стоит! Сначала автор посвятил ее Наполеону, своему кумиру, но затем переименовал в «героическую». А Вивальди?! Самый животрепещущий композитор. Его «Времена года» так свежи, так проникновенны и мелодичны, что, кажется: они сделаны на все времена, пока жив человек. И так далее. Таким образом, я для себя классифицировал многих любимых композиторов...

Время урока незаметно приближалось к финишу.

– В заключении моего пламенного выступления хочу сказать вам лишь о двух вещах.

Первая. Знаете, мне, грешному, иногда приходит в голову странная мысль, о которой я еще никому не рассказывал из страха показаться сумасшедшим, но вам скажу. Кстати, я надеюсь, что в будущем, вы, как культурные люди, пусть из любопытства, ознакомитесь если не с четырьмя Новозаветными Евангелиями, то хотя бы с самым как бы музыкальным Евангелием от Иоанна. Между прочим оно имеет еще и выдающиеся литературные достоинства. Его читаешь, как будто слушаешь прекрасную музыку и пьешь чистую родниковую воду. Слова в нем не просто звучат, а звучат, как красивейшая мелодия. Вот какое замечательное Евангелие! Первая же строка в нем завораживает: «В Начале было Слово». Моя необузданная фантазия всегда изменяет эту великую фразу на: «В Начале была Музыка». Далее я воображаю величественную Картину Сотворения Мира, происходящего под торжественно-светлые звуки, например, прелюдии и фуги номер восемь «Es-moll» Иоганна Себастьяна Баха. Временами я задумываюсь: а вдруг это не плод моей умственной химеры, а на самом деле Мир родился, когда вокруг звучала Музыка? А?

К чему это я вам рассказал, ребята? Да к тому, чтобы вы знали, что музыка – это родная сестрица человеческой фантазии и воображения.

Вторая мысль. Хочу пожелать вам, дорогие мои, чтобы вы запомнили одну вещь: какова бы ни была ваша жизнь, счастливая или не очень; как бы ни сложилась ваша судьба, знайте: если вы любите музыку, то вы уже состоялись и преуспели, как человек, и вы всегда в музыке найдете радость и утешение! Мой Вам совет: любите музыку!

Урок подходил к концу. В коридоре у входных дверей третьего «В» класса стояла Ольга Васильевна и прислушивалась к происходящему в нем. Но было очень тихо. Завуч качала головой и удивлялась.

Бегущий по волнам

upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/cb/VEF-202.JPG

Сегодня как-то не спится. Иногда негромкая монотонно журчащая в ушах музыка помогает мне заснуть в бессонницу. И поэтому моя последняя надежда – радио.

После нескольких напрасных попыток встретиться с Морфеем включаю приемник и перебегаю с одной волны на другую. Вылавливаю из разноязыкого и многоголосного радио-эфира звуки виолончели. Ее низкое и густое звучание завораживает, и я с любопытством ожидаю заключительных аккордов. Но оказывается, что это было лишь вступление. Иначе говоря, звучала прелюдия к вокальной части романса.

И вот я слышу первые строки романса. В моей голове загудел шаляпинский бас:
«Ой-ой, где же Вы, дни любви, сладкие сны, юные грезы весны?»

Потрясенный, я дослушиваю эту гениальную вещь до конца. И становлюсь бодрый, как никогда.

«Да. Так я, конечно, не засну», – беспокоюсь я, нащупываю рукой в темноте колесико радиоприемника и ищу волну с другой музыкой.

«Вот, нашел», – радуюсь я, и останавливаюсь на инструментальной пьесе с явно выраженными индийскими мотивами.

От мелодии веет глубокой древностью. Где-то под самым куполом моей черепной коробки появляются толпы темнокожих людей с чалмами на головах. Несколько минут, пока продолжалась музыка, эти люди медленно идут и молчат. Жуть! Чувствую, глаза мои начинают слипаться и меня тянет ко сну.

Но все-таки заснуть не успеваю, так как мелодия внезапно обрывается и в эфир врывается Джеймс Ласт со своими многочисленными оркестровыми музыкантами. Оркестр музицирует

мощно, бодро, громко. Мой уставший мозг рисует живописное полотно Большого Космоса. Мимо меня проносятся разноцветные небесные тела. Неожиданно звук идет на убыль, угасает. Мелодия продолжается со смешными для уха децибелами. Я ее практически не слышу, никаких звезд не наблюдаю, сплошной вакуум. Через минуту мелодия опять взрывается до оглушающей громкости и прежняя космическая картина возвращается. Флюиды сна начинают обволакивать меня.

Но Ласт выдыхается, и в эфир запускают маэстро Вивальди с его вечными «Временами года». И сна вновь ни в одном глазу! Маэстро так давит на мою психику своими септаккордами и квинтами, что я решаю:

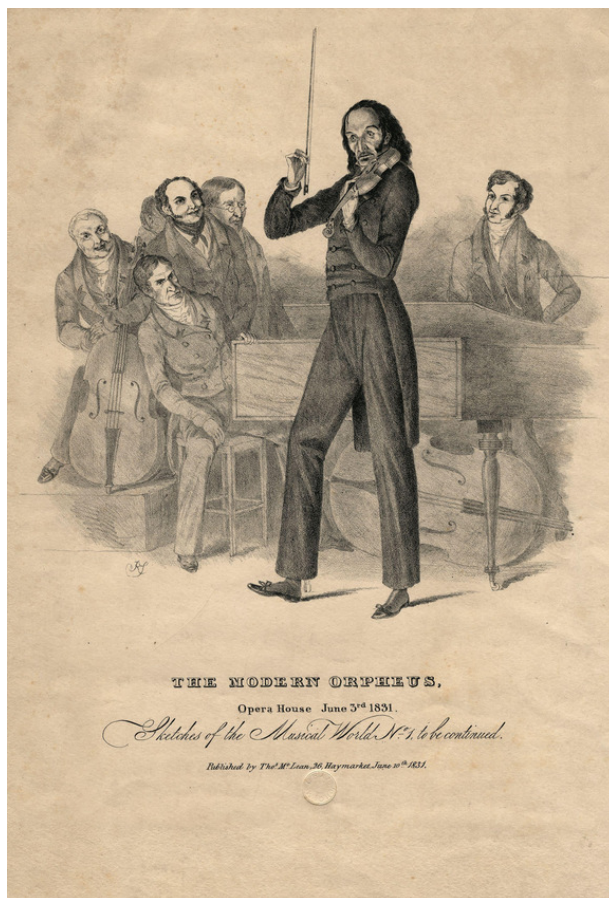
«Под такую музыку, наверное, умирать не страшно!»

Я снова ищу скучную однообразную музыку. Но мне не везет. Мужской церковный хор необыкновенно славно поет песню. Я не решаюсь прервать ее и с восторгом слушаю всю песню.

«Не для меня», – на все лады повторяют мужественные голоса. И передо мной возникает сначала величаво текущий Дон, затем рощица с засевшим в ветвях соловьем и голосящим, что есть мочи. По роще гуляет чернобровая молодая казачка. Песня поется настолько душевно, что слеза-предательница уже готова выползти. Проходит еще пара часов, прослушано много музыки. Я настолько устаю от такого музыкального разносола, что наконец-то засыпаю.

И всю ночь мне снятся северо-донские степи, покойные родители и тополя, сквозь листву которых, ласково проглядывает солнце.

Паганюня

upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f4/Niccolo_Paganini_by_Richard_James_Lane.jpg

Витя, десятилетний мальчик в белой рубашке и в скосившемся набок черном галстуке, ходит по большому залу и нервничает. В руках он держит скрипку размером в три четверти и смычок, от которого исходят небольшие струйки канифольного дыма. Старательно морща лоб и выпятив вперед губы, скрипач пытается настроить струны по трем квинтам. В зале стоит большой шум, сквозь который еле слышны звуки настраиваемой скрипки. Шум-гам создается снующим туда-сюда народом школьного и дошкольного возрастов: танцорами в испанских одеяниях; серьезнолицыми духовиками, дующими во все щеки в трубы, флейты и фаготы; баянистами и аккордеонистами, рост которых не намного превышает размеры инструментов; тренькающими и бренчающими на мандолинах и балалайках струнниками; сольными вокалистами всех мастей; хоровиками, создающими голосовую какофонию сумасшедшего дома; и прочими юными талантами.

В центре одной из стен зала располагается невысокая лестница в пять ступенек с выходом на сцену Дома пионеров, покрытую скрипящим дощатым полом кирпичного цвета. В зале, кашляя, кряхтя и шикая, сидят зрители, в основном, представляющие цех родителей юных музыкантов, а также школьники со всего города.

Идет городской смотр самодеятельности.

Витя бледнеет, так как скоро позовут на сцену, где ему предстоит выступить с «Концертом» Комаровского с оркестром. Ввиду отсутствия оркестра, роль последнего будет исполнена на фортепьяно Аллой Матвеевной, учительницей музыкальной школы. Юный талант

вдруг забывает начало своего «Концерта» и теперь, когда остается несколько минут до выхода на сцену, пытается лихорадочно вспомнить нужные ноты. Ему это не удается, он раскрывает свою нотную тетрадь и подсматривает начало, вспоминает его и успокаивается.

– Виктор Можаяев – на выход! – раздаётся громкий голос, вызывающий юного конкурсанта на сцену. Витя бледнеет еще больше, берет скрипку, подходит к лестнице и медленно поднимается по ее ступенькам.

– Быстрее дуй на сцену, Паганюня! – слышит он вдогонку ехидное напутствие от одного из баянистов.

Отвечать на обидную реплику некогда, так как Витя уже занят другим делом. Он стоит посреди просторной сцены и ищет глазами своего фортепьянного аккомпаниатора Аллу Матвеевну. И не находит. Где же та, которая своим аккомпанементом должна заменять целый оркестр в «Концерте» Комаровского? Фортепьяно стоит и поблескивает черной лакированной поверхностью. А вот пианистки нет. Нет ее на сцене. Может быть, она задержалась в зале? Витя уходит со сцены и снова заглядывает в зал. Там ее не видно. Тогда он возвращается на сцену. В зрительском зале шум становится громче. Терпение зрителей иссякает.

– Давай, начинай! Не тяни кота за хвост! Валяй уж! – доносятся возмущенные голоса.

Витя еще раз окидывает сцену недоуменным взглядом, оглядывается назад и смотрит, не появилась ли аккомпаниаторша. Но тщетно. Ее нет. Делать нечего. Приходится начинать «соло», без сопровождения. Первые звуки скрипки звучат уверенно в притихшем зале. Но далее начинаются неприятности. Витя волнуется, так как не привык играть один без вступительных аккордов фортепьяно. Алла Матвеевна обычно кивками головы подсказывала ему, где вступать в игру после пауз. Ничего этого теперь не было. И Витя стал ошибаться, сбиваться, путаться. Несколько раз он останавливается, фальшивит. И, наконец, окончательно сконфузившись, останавливается, и, не доиграв до конца свой «Концерт», убегает со сцены. В ответ из зрительного зала звучат свист и шум. По пути со сцены недалеко от лестницы ему попадает директор музыкальной школы Иван Петрович.

– Витечка! Не переживай, сынок, ты совсем не виноват! Алла Матвеевна не смогла прийти вовремя, так как ее «приспичило». Ну, понимаешь, она была в туалете. Со всяким может такое случиться. В следующем конкурсе у тебя будет все нормально, вот увидишь! – успокаивает Иван Петрович будущего Паганини.

Весь следующий день Витя приходит в себя после позорного выступления в Доме пионеров. А уже дня через три и совсем забывает об этом происшествии. У юных талантов короткая память.

Лоботряс

Знаете, у меня сейчас очень хорошее настроение. Еще бы! Если к Вам приехал в гости любимый дядя, то какое у Вас будет настроение? А? То-то же! Вот и у меня солнце на душе. Вокруг лето, теплынь, пташки поют.

А мы с дядей прогуливаемся, не спеша, по главной улице города Миллерово. Я гордо поглядываю на прохожих, потому что ни у кого нет такого солидного, интересного и умного дяди. Он живет в Москве. Здесь проездом. Едет на юг отдохнуть в отпуск. Я слушаю его с восторгом. Он очень образован, начитан и отличный рассказчик. Много знает таких вещей, о которых я не имею никакого понятия. Ходит он несколько косолапо, но это даже придает ему некоторое своеобразие. Скуластый, на голове выются кудри. В разговоре имеет привычку часто употреблять фразу-паразит: «Неужели непонятно?». Сейчас дядя рассуждает об архитектуре городских зданий. Минуту спустя, между прочим, он интересуется моими планами на будущее. Я учусь в девятом классе, учусь почти на все пятерки, и скоро мне предстоит решить: куда податься? В институт, на завод или в армию? Дяде я отвечаю, что буду поступать в институт. Он некоторое время молчит, раздумывает. Затем я получаю от него приглашение ехать в Москву и поступать в МВТУ. Обещает помочь с поступлением. Его бывшая жена там работает преподавателем.

Проходит год. Еду поездом в Москву.

– Я покажу тебе Москву, – слышу я бодрый голос дяди, встречающего меня утром на Казанском вокзале. – Ты, главное, не бери в голову. Я все продумал. Днем ты готовишься к вступительным экзаменам, а вечером мы с тобой знакомимся со столицей.

– А куда мы пойдем сегодня? – интересуюсь я, испытывая легкое волнение от своего первого в жизни приезда в Первопрестольную.

– Я покажу тебе Москву с высоты птичьего полета. У меня на высотке на Котельнической набережной дружок работает. Он проведет нас на самую верхотуру.

– Ух ты, здорово! – восхищаюсь я.

Вечером мы с дядей, отдуваясь и кряхтя, ступеньку за ступенькой, одолеваем последнюю крутую внутреннюю винтовую лестницу высотки. И вот мы – на самой верхней площадке. Вид открывается просто сумасшедший – аж дух захватывает! Вот она какая – Москва! Красотища!

upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/e4/Силаева.jpg

Следующий день я посвящаю подготовке к экзамену, но вечером дядя опять ведет меня смотреть Москву. Между делом дядя интересуется количеством выданных мне матерью денег. Удовлетворенный ответом, он ведет меня в ресторан «Жигули».

– Ты удивляешься, почему ресторан «Жигули»? Неужели непонятно? – вопрошает дядя. – Да это же самое знаменитое место на всю Москву. Ты должен знать столицу со всех сторон.

На следующий день вечером повторяется та же история. На этот раз «знакомство с городом-героем» продолжается уже в ресторане «Арбат». Он, оказывается, также чем-то знаменит. Между прочим спрашиваю об обещанной поддержке со стороны бывшей дядиной супруги, но дядя делает вид, что не понимает, о чем я спрашиваю. Через неделю он проговаривается случайно, что оказывается, она уехала в отпуск и помогать категорически отказалась.

Через две недели я не выдерживаю и ехидно спрашиваю дядю:

– А кроме питейных заведений в Москве больше нет никаких достопримечательностей?

Критика действует, и вот мы у Останкинской башни. Без особого энтузиазма рассматриваю это «чудо света». Запоминается один из гостей столицы, задравший бороду к верхушке башни и восклицающий:

– Вот это дура так дура! И ветер, гляди, ей нипочем! Стоит себе!

upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/fb/Moscow_Ostankino_Tower_Details_09.jpg

Быстро пролетает месяц. Разгульно – экзаменационная жизнь подходит к финишу. Я уже очень хорошо «знаю» Москву и прекрасно ориентируюсь в расположении всех известных московских ресторанов и кафе. Деньги мои подходят к концу. Экзамены тоже. Мне кажется, что экзамены сданы неплохо. Конфуз, правда, выходит с физикой. Отвечая экзаменатору, путаю Бойля-Мариотта с Гей-Люссаком. Но шекспировской трагедии в этом не вижу и на что-то еще надеюсь. Однако итог получается неутешительный. На институтской доске со списками поступивших счастливичиков своей фамилии не обнаруживаю. Не добираю одного балла и готовлюсь к отъезду домой. В последний день перед моим возвращением восвояси, дядя горестно вздыхает, смотрит на меня с большим неодобрением и произносит:

– Почему ты не поступил в институт? Непонятно. У тебя же были все условия. А дома чем ты занимался целый год? Эх ты, лоботряс ты, лоботряс!

Старики

Миллерово (фото из личного архива)

Если вы решитесь объехать южнорусский городок Миллерово, к примеру, на «копеечке», не считаясь с тряской и болтанкой по разбитой шоссейной дороге со следами некогда положенного асфальта, то я вам искренне посочувствую. Что с вами случится? Сейчас расскажу. Туго придется. Но в утешение скажу – долго мучиться не будете. Городок больше похож на разросшуюся деревню, нежели на районный центр. На его периметр уйдет мало времени, так мало, что даже не успеете выкурить и пару сигарет. Сделав кружочек и, остановившись, например, на Заводской улице, конечно, с облегчением покинете машину. Наконец, убедитесь, насколько мал этот городок. К тому же удивитесь тишине улиц, особенно на окраинах. Однако тишина Заводской улицы покажется не вполне логичной. Заводская, а значит, где-то рядом должен располагаться завод, там должна звучать симфония скрежета колес перемещающихся по рельсам кранов, визг вертящихся шпинделей, свист шарикоподшипников, громкие с длительным эхом удары штамповочных молотов и тому подобные вещи.

Действительно, в начале улицы стоит давно не подновлявшаяся свежей краской, кирпичная стена с названием завода. Часть больших букв этой вывески отвалилась, из-за чего стена выглядит особенно жалко. Рядом с ней, буквально в ста метрах от истоков улицы, вы заметите старые корпуса механического машиностроительного завода, от которого еще двадцать лет назад было шуму и грохота, как ныне от строящихся башен «Москва-Сити». Сейчас же этот заводской район вместе с жителями наслаждается тишиной. Теперь бывший советский гигант еле дышит, помалкивает и ведет себя, как прилежный школьник на уроке ботаники.

Идёте далее, не спеша, по этой улице, внимательно разглядывая ее. Достигнув середины, невольно замедляете шаг, потому что поражаетесь видом одного дома. Его кирпичный фасад, опутанный морщинами трещин, всеми порами впитывает последнее тепло угасающей ласковой осени. Прохожий старик остановится рядом и заметит, что полвека назад дом выглядел фронтотом. Вы задумаетесь на минуту, представляя, как дом мог выглядеть раньше. На его крыше, наверное, поскрипывал от ветра веселый вертлявый флюгер-петушок; а прорезные ольховые карнизы, наличники окон и балясины на входной лестнице могли радовать соседей замысловатой вязью рисунка. И вы, может быть, окажетесь недалеко от истины в своих представлениях.

Нет сомнений, с годами, это жилище, подобно человеку, многое испытало, повидало и, в конце концов, состарилось. Деревянный петушок запропастился неизвестно куда. Наличники на окнах потускнели и растрескались от погодных перемен и неумолимого хода времени. Затем переводите свой взор ниже, ниже, – и вот возникает картина с забором. Замечаете, что он стар-

чески беспомощно заваливается в сторону улицы и вот-вот рухнет, испустив последний дух. Никто уже и не помнит, когда беднягу, ощетилившемуся штакетником, последний раз ремонтировали или красили. Через прорехи в заборе видны участки огорода с остатками урожая красно-желтых помидоров, чахлые редкие кусты черной смородины да черноплодной рябины.

Временами доносятся жалобные скрипы входной калитки, дирижируемой теплым октябрьским ветерком, поддаваясь которому она, то отворяется, то захлопывается с неприятным глухим треском. Ну что же вы остановились? Смелее! Смелее входите через эту гостеприимную калитку во двор и далее поднимайтесь осторожно по небезопасным полусгнившим ступенькам в дом.

Заглянув в него, вы увидите, что в одной из комнат, служащей, видимо, гостиной, довольно сумрачно, несмотря на раздвинутые оконные шторы; и запах в ней стоит особенный, какой бывает, когда уборкой почти не занимаются. Пахнет не только пылью, но, кажется, и больницей.

На кровати у стены заметите старую женщину в лиловом потертом халате. Это – хозяйка дома, перенесшая инсульт полгода назад. Вы, человек, от внимания которого ничего не ускользает, также отметите ее растерянный и блуждающий взгляд; старческие, в синих прожилках, руки, беспорядочно и вяло перебирающие оборку одеяла. Также примечаете, что на прикроватной тумбочке в беспорядке лежат какие-то коробочки. Очевидно, это лекарства, догадываетесь вы и перемещаете взгляд поближе к краю тумбочки. Там лежит тарелка с нетронутой гроздью бледно-синего домашнего винограда. Ясно, больной нужны витамины.

Слышите какой-то шум и кряхтение в коридоре, вам становится неловко и вы прячетесь в одной из смежных комнат. Стоите тихо, чуть дыша, рядом с дверями и ожидаете, что произойдет дальше.

– Можно к вам? Здравствуйте, Мария Тимофеевна! – в комнату сначала робко просунулась самодельная сучковатая палка, осторожно прощупывающая неровности дощатого пола, потом показалась худая кисть руки, державшей палку, а затем появился и сам ее владелец, седоватый и согнутый чуть ли не в подкову старик.

Гость степенно снял фуражку, давно утратившую форму и цвет, при этом он внимательно ее разглядывал, словно видел в первый раз, и затем застыл почтительно у входной двери, ожидая, что скажет хозяйка.

Восьмидесятивосьмилетняя хозяйка повернула голову на голос, долго и растерянно всматривалась в сторону двери и не узнавала гостя. Наконец, она сказала:

– Я плохо вижу. Смотрю-смотрю... Это вы, Павел Никанорович?

– Я. Я это, Мария Тимофеевна, – отвечал старик, давний друг больной женщины.

– Павел Никанорович! Та проходите. Проходите же. Садитесь поближе. Вот стул. Садитесь. А я поднимусь немного в постели повыше, чтобы удобнее было с вами говорить, – женщина сделала несколько попыток приподняться, но сил не доставало.

Тем временем Павел Никанорович, передвигая большие ноги и опираясь на палку, подошел к кровати и сел рядом. Он опустил голову со спутанными редкими волосами и с минуту переводил дух.

– Вот, Мария Тимофеевна, иду с рынка и решил заглянуть на огонек. Месяца три я к вам не навещался. Как ваше здоровье? – начал старик неторопливую беседу.

– Да как? Вот, Павел Никанорович, видите, лежу. Выздоровления нету. А вы как? – отвечала хозяйка.

– А у меня проблема. Я, Марья Тимофеевна, стал хуже слышать. Что-то со мной случилось. Таня мне говорит тихонько чего-то, а я говорю ей: «Что? Что?» А она мне говорит: «О! Глухая тетеря!» Я думаю: «Еще и ругается». Отвечаю: «Ну ничего! Подожди! Вот доживешь до моих лет!» Она по три-четыре раза мне повторяет, потом подходит к самому уху, вот так... – и Павел Никанорович показывает рукой, насколько близко дочь приближается к его лицу.

Мария Тимофеевна, полулежащая в кровати, поправляет сползающую вниз подушку и с участием откликается на монолог друга:

– Ну что ж, она привыкла...

К чему она привыкла, остается неизвестно, так как Павел Никанорович продолжает рассказ:

– Да, да. Мария Тимофеевна, я хочу сказать, что...

В этот момент старика в свою очередь перебивает больная:

– Вот слово... Не могу вспомнить... хоть стреляй сейчас! – женщина вздыхает горестно и с возмущением машет рукой в сторону окна.

– Мария Тимофеевна! Я тоже стал забывать имена полководцев, актеров...

– Ну, тут... Не удивительно...

– Тут недавно посмотрел еврейский фильм по ящику. Еврейская постановка, еврейская вещь. Но актеры русские. В том числе Михаил Ульянов играл главного действующего героя. Молочника. Ну, смысл такой, что и евреям бедным тоже плохо. У него четыре дочери, у этого героя. Как выросли – определять, куда, что, как... И вот их рассунули кое-как там, а в одну влюбился богатый. И он уже приехал сватать: всё, значит, свадьба. Но нет. Ей, оказывается, нравится ее дядя. С юга, тут, то ли с Одессы приехал. Ну, а семейство миллионеров. И дядя богатый тот. Приезжает сюда к ним и вызывает этого еврея бедного, а он молочник. И вызывает его к себе. Он выходит к нему, встречает его. И тут брат и говорит, дядька того племянника, за которого дочку хотят выдать: «Кто ты такой? Ты поставлял молоко в этот дом, ну и масло. Так? Так. Спасибо тебе! Но знай сверчок свой шесток! Куда ты лезешь с дочкой? Ты представляешь, кто ты такой, и мы кто такие?» И он, бедный, знаете, потух. А всем кажется, что он гордый за дочку, за этот брак. И поплелся он, молочник этот, домой. Приходит... В-общем, финал постановки такой, что – вся эта жизнь жестокая, настолько она ничего не щадит. Ничего, ни положения... Есть карман?! Звенят рубли или доллары?! Значит, ты человек! Нет?! Всё! – и Павел Никанорович резко и широко провел рукой впереди себя. – Ну, Ульянов прекрасно играл. Но я сразу его понял с первых слов, как только увидел, лицо широкое, русское, и, хотя и загримирован он под еврея и разговаривает он так же, но интонация в голосе у него такая, что я сразу узнал Ульянова, и что это русский актер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.